

«Учительство для меня было большой школой: оно воспитывало меня, обогащало знаниями, вырабатывало характер. Учительство помогало мне, помимо многих других причин, органически войти в революцию, в активную политическую борьбу, способствовало выработке марксистско-ленинского мировоззрения».

(Гладков Ф. В. Об учительском труде. Народный учитель. 1934. № 1. с. 54).

ПРИЕЗД Федора Гладкова в Забайкалье совпал с началом подъема революционного движения в крае. В 1902 году о своем существовании смело и громко заявил в Первомайской прокламации Читинский комитет РСДРП, организованный и руководимый Е. Ярославским. Забайкалье не стояло в стороне от общего развития революционного движения в стране. Здесь существенную роль играли политические ссыльные, которые, так или иначе, соприкасаясь с местным населением, зароняли добрые семена в умы людей, формируя у них определенные политические настроения. В начале 900-х годов в экономической и общественной жизни края произошли такие изменения, которые подняли революционное движение на новую высоту. Через Забайкалье прошла железная дорога, начала развиваться промышленность, стремительно росло число промышленных и железнодорожных рабочих.

Вот почему в период, предшествовавший первой русской революции, рабочее революционное движение в Забайкалье начинало бурно развиваться, принимая все более организованный характер. Об этом красноречиво свидетельствовала статья Е. Ярославского, помещенная в ленинской газете «Искра» в июле 1902 года. Известно, что в марте 1903 года Читинский комитет РСДРП официально заявил о признании «Искры» своим руководящим органом, а себя — организацией строящейся марксистско-ленинской партии в России.

Такова была общественно-политическая обстановка в Забайкалье в период, когда появился здесь Ф. В. Гладков и начал свою педагогическую деятельность.

Дирекцией народных училищ Забайкальской области девятнадцатилетний учитель был определен в сентябре 1902 года в село Ундинское Нерчинского округа (ныне Баян-Олзунский район). В этом селе он проучительствовал всего один год. Об этом начальном периоде его педагогической работы пока мало что известно. Что из себя представляло

тогда это село? В газете «Забайкалье» от 4 мая 1903 года была помещена заметка в связи с тем, что в Ундинском

«Сибирь, без сомнения, страна интересная, но в культурном отношении она — в младенческом возрасте. Здесь не заметно движения; везде косность какая-то, какой-то гнетущий душу застой и мало «людей» в широком смысле слова... Тоска! Тянет в Россию, живую, интеллигентную...», но — «бачили очи, что куповали...». Приходится мириться... Года через два думаю вырваться

котором описываются «бега» в деревне, увлекательное зрелище в долине, где собирался народ с лошадьми.

Любопытно отметить, что 4 мая 1903 года одновременно с рассказом Ф. Гладкова в газете «Забайкалье» была помещена и упомянутая заметка «Об обществе вспомоществования учащимся в поселке Ундинское». Эта заметка написана далеко не равнодушным

после окончания городского училища с дополнительным педагогическим классом. Получил я тогда аттестат учителя начальной школы и отправился из Екатеринодара в далекое Забайкалье. Отыскалось мне бедное селенушко Ундинское: учительствуй! А было мне тогда 19 годов. Никогда не выветривается из памяти моя первая убогая школка, даже запах помню — от рас-

расположенный рядом со Сретенском — крупный рабочий поселок. А через Сретенск, являющийся пересыльным пунктом на пути к центру Нерчинской каторги — в Горный Зерентуй, проходили партии ссыльнокаторжных. Сретенск по тем временам выделялся как значительный культурный центр Забайкалья. Известно, например, что здесь с 1902 по 1906 годы было образовано своеобразное общество любителей музыки и литературы. Немаловажным было и то, что в среде местной интеллигенции, а также среди рабочих и беднейших слоев казачества начали активно пробуждаться и подхватываться передовые революционные взгляды, отражающие нарастающий общий подъем революционного движения в Забайкалье и все усиливающееся влияние Читинского комитета РСДРП.

В обстановке подъема революционного движения в крае молодого учителя Ф. Гладкова, прошедшего уже свои «университеты жизни», сознательно тянуло к живому революционному делу.

В Кокуе он совершенствует свое педагогическое мастерство, проводит среди местных жителей большую культурно-просветительскую работу, использует каникулы в целях изучения края, знакомится и постепенно сближается с ссыльными революционерами, передовой интеллигенцией, членами Сретенской и Читинской социал-демократических организаций, становится на путь активного участия в революционном движении. А в 1904 году, по свидетельству самого Ф. В. Гладкова, он «начал выполнять партийные поручения социал-демократической организации».

Именно с этого момента Ф. Гладков начинает проявлять большую общественную активность и как педагог, и как литератор, и как начинающий революционер. Он продолжает много работать над собой, переписывается с А. М. Горьким, знакомится с нелегальной литературой. Все это в значительной мере способствует его идейному обогащению, формированию передовых взглядов, оказывает влияние на дальнейшее творчество, повышение уровня и зрелости литературного мастерства.

А. ВЛАСОВ.

НА СНИМКЕ: Ф. В. Гладков и И. А. Бутин. Сретенск 1906 год.

К 100-летию со дня рождения Ф. В. Гладкова

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ

было организовано (видимо, не без участия Гладкова) общество вспомоществования бедным учащимся.

«Наше поселение, — говорилось в корреспонденции, — оставлено, кажется, и богом и людьми. Это захолустье, где нет положительно никаких общественных интересов, нет «жизни», нет «людей» в широком смысле этого слова. Голоса «живого мира» редко достигают сюда, а отсюда, хоть кричи истошным голосом, и то не докричишься».

У нас в Унде открывается общество вспомоществования бедным учащимся. Помогай бог хорошему начинанию! Деятельность этого общества возможна только при том условии, если со стороны членов будет честное отношение к делу, а не старание ради праздного тщеславия.

Под заметкой поставлена подпись: «Лев Обережный».

Немаловажным свидетельством, выражающим настроение молодого учителя в этот период, являются два сохранившихся письма Ф. Гладкова А. М. Горькому, которые были посланы пролетарскому писателю в июле 1903 года с двумя рассказами молодого автора со станции Урульга, где, по всей видимости, он в течение летних каникул жил.

«Боже мой, — пишет Гладков в письме, помеченном в начале июля. — Как здесь скучно! Дикий край! Тянет к «людям», к «жизни». Единственным источником счастья является только чтение. И чувствуешь, будто ты или заключен в тюрьму, или заброшен куда-то в «глухую пустыню» (Лит. наследство. 1963, т. 70, с. 64).

В другом письме к А. М. Горькому, датированном 16 июля 1903 года, Ф. Гладков, в частности, пишет:

отсюда. Устрою своих родных по выходе их из каторги и — уеду...».

Хотя во втором письме есть и оптимистические нотки, но можно себе представить, какими трудным был в душевном плане, в плане тяжелой «акклиматизации» первый год пребывания Ф. Гладкова в Забайкалье.

Но в Ундинском он много читает, много работает над собой, и, конечно же, продолжает писать. Два рассказа он направил Горькому: «Без работы» и «Беспокойный» (последний впоследствии был опубликован в газете «Даль» (Чита) в мае 1906 г.). 4 мая 1903 года был опубликован впервые читинской газетой «Забайкалье» рассказ Ф. Гладкова «На бегу. Жанр и пейзаж», в

человеком, звала к жизни, к более активным действиям в школьном деле. Если отбросить некоторые модные в то время выражения, то поражает схожесть отдельных стилизованных моментов. В заметке: «Это захолустье, где нет положительно никаких общественных интересов, нет «жизни», нет «людей» в широком смысле этого слова...». В письмах к Горькому: «Тянет к «людям», к «жизни...», «мало «людей» в широком смысле слова...».

«Лев Обережный» — не первый ли псевдоним Ф. Гладкова в Забайкалье?

Впоследствии Ф. Гладков рассказывал друзьям о своих первых шагах на ниве народного просвещения:

«Да, педагогическая стезя — моя первая серьезная дорога

паренных шубек и прелых валенок моих учеников. Поверите, когда писал о школе в «Лихой године», то хотелось запечатлеть не только собственные детские чувства, но и чувства моих ундинских и кокуйских ребятшек. Помню я и сейчас веснушчатого Ваську, как он под рождественской елкой стоял в ситцевой рубашке, в новых, еще не обмятых валенках и читал строки стихов: «Ты сеешь в поле, Я — в сердцах!».

(В. Сидорин. Учитель, писатель. — Литературная жизнь, 1960, 6 июля, № 80).

Как видим, первый учебный год в жизни Ф. В. Гладкова, прошедший в захолустье, был в моральном плане тяжелым и сложным. Натрудно было в его положении и надломиться, не выдержать психологических нагрузок и сурового забайкальского климата. Но этот год дал ему и серьезную закалку в преодолении трудностей, в воспитании твердого характера, в выработке передовых взглядов и убеждений. Издась большую роль в этом сыграл А. М. Горький.

«Помню, — пишет Ф. Гладков в автобиографических заметках, — одно письмо, полученное в нерчинском захолустье. В этом письме он просвещает меня насчет марксизма и рабочего движения. Запомнился только конец письма: «Рабочее движение, на мой взгляд, есть то самое движение, в котором каждый человек найдет ответы на все волнующие вопросы и выработает программу личного поведения» (ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 1, ед. хр. 43, л. 23).

Новый 1903—1904 учебный год Ф. В. Гладков начал, учительствуя в Кокуйском приходском казачьем училище, куда он перебрался по многим соображениям. Прежде всего Кокуй,

(Продолжение следует).

(Продолжение. Начало в № 58).